

Б.Ж. Жусупова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: zhusupova2013@mail.ru)*

Перспективы социальной философии в современных условиях глобализации

Процессы глобализации происходили в истории человечества не раз. Ученые выделяют несколько волн крупных интеграционных процессов, происходивших в различных областях человеческой деятельности. Однако современные глобализационные процессы, во многом обусловленные развитием цифровых технологий, по масштабу и значимости превосходят все, протекающие ранее. Каковы же векторы развития современной глобализации и ее последствия для всего человечества? Вопрос не праздный, касающийся ученых и философов. В связи с этим существует множество различных концепций, трактующих сущность феномена «глобализация» и ее перспектив. Однако несомненным является тот факт, что человеческий мир перестал быть плоским и линейным, общество трансформировалось в человечество, а человечество — в мир в планетарном масштабе. Социальный мир представлен в многосложной пролиферации с огромным разнообразием сверхдинамичных связей и отношений, обусловленных цивилизационными достижениями. С одной стороны, глобализация вызвала увеличение и расширение масштабов диалога культур, разнообразие форм их сосуществования, взаимодействия и взаимопроникновения, способствуя их сложному интегрированию, а с другой — породила множество противоречий, зависимых от характера социальных условий. Поэтому с процессами глобализации начинается новая страница в истории не только человечества, но и в истории социальной философии, которая не может измерять общество прежними традиционными способами. Социально-философский дискурс требует новых когнитивных парадигм исследования, чтобы точнее репрезентировать картину глобализирующегося мира и место в нем сингулярного человека. В статье предпринята попытка обосновать одну из таких парадигм.

Ключевые слова: глобализация, локализация, интеграция, культура, социум, парадигма, социальная философия, гетерология, перспективы, современность.

Введение

«Современный мир» и «глобализация» — понятия взаимопредполагающие, когерентные, скоррелированность которых очевидна. Феномен глобализации — это не маркер современной цивилизации, а ее лик. И если совсем недавно в научных и философских публикациях это явление представлялось еще новым, непривычным для нормального (традиционного) восприятия, необходимо требующим определенного расширения пространственно-временных горизонтов для адекватного его осмысления, то сегодня такой исторический и теоретический арсенал достаточно накоплен, что позволяет холистически осознать многосложную пролиферацию глобализационных процессов. Ни одно современное общество не имеет возможности существовать вне глобализационных процессов, при этом экономически, политически, культурно процветая. Сущностью глобализации, согласно дефиниции термина, является интеграция, интернационализация социальной деятельности, суть которой в формировании единого взаимозависимого политического, экономического, социально-культурного пространства, единого мирового сообщества. Все современные события, тенденции, риски обретают планетарные смыслы и масштабы. И это то, что кардинально отличает современный мир от прошлого. Главным атрибутом нового мира является полная неопределенность будущего миропорядка и мироустройства.

Но самое главное, меняется когнитивный ракурс осмысления глобализации как «одной из важнейших характеристик мировой социосистемы, которая позволяет увидеть эту систему в динамике с учетом трансформации ее внутреннего содержания (*культуры*) и с учетом изменений ее форм (*цивилизации*)... При таком подходе современный мир предстает как сложный фрактал, состоящий из отдельных культурно-цивилизационных систем, в которых отношения между культурой и цивилизацией определяются принципами дополнительности и неопределенности» [1; 4]. Феномену современной глобализации посвящено множественное разнообразие научных, философских, политических, эконо-

* Автор-корреспондент. E-mail: zhusupova2013@mail.ru

мических, культурологических исследований, в том числе междисциплинарных. Преимущественно все же это культурологические исследовательские разработки. Однако недостаточно осмысленными, разработанными, на наш взгляд, являются именно социально-философские исследования, но не общие, не обзорные, а касающиеся роли и значения глобализации в повседневной жизни людей в разных социокультурных пространствах.

Поворот философии от абстрактных размышлений о человеке и его жизни в обществе к реальному, живому человеку случился, как мы знаем, в конце кризисного для наук, философии, общества XIX века и связан с именем основателя феноменологического метода познания Э. Гуссерля. Жизненный мир — это сознательный мир индивида, который обусловлен социальными маркерами и служит ориентиром человеческих действий в социальной жизни. В ответ на позитивистские установки с их натуралистическими программами, обезличивающими, умерщвляющими существование человека, мыслитель утверждает, что только философия способна приблизиться к реальной, непридуманной человеческой жизни, наполненной тревогами и личными переживаниями на фоне любых исторических событий. Однако жизненный мир должен явиться главным объектом исследования не только для философии, но и для всех наук. Ключевым вопросом для всякого исследования должен быть вопрос: «Можем ли мы жить в этом мире, где историческое свершение представляет собой не что иное, как непрерывное чередование напрасных порывов и горьких разочарований?» [2; 21].

Данный когнитивный посыл и почин использует вслед за Э. Гуссерлем в социологии А. Шюц, который утверждает, что любое социальное событие выстрадано человеком, жизненно оформлено, только через свой индивидуальный жизненный мир человек имеет доступ к социальной реальности, которая не является для человека абстрактной: «Мы, как человеческие существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою очередь, подвергаются нашему воздействию» [3; 115].

В этом смысле исследование жизненного мира является источником социального познания, а социальная реальность есть intersubjective жизненное социальное пространство. В этом же смысле любой человек, непременно погруженный в реальную социальную жизнь, знает об обществе несравнимо больше, чем выдающийся теоретик.

Критикуя классическую социологию с ее культивированием общего взгляда на общество, взгляда «сверху», новый социально-философский дискурс, опирающийся на метод А. Шюца, продолжили создатели социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман, которые также обратили исследовательское внимание на анализ повседневного мира человека. Они заявили, что «повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [4; 37]. Согласно концепции «социального конструктивизма», объективная реальность формируется не над людьми, в которую они автоматически вписаны, а, напротив, самими людьми, их субъективными оценками, «заботами», смыслами и существует как данность в этих осознанностях. Социального исследователя должно интересовать именно это — как строятся отношения между человеком и социальными действиями (событиями, процессами).

Жизненный мир присутствует внутри человека и неизбежно осознанно переживается им. Жизненный мир — это эмпирическая, опытная данность человека, в которой он непосредственно присутствует и которая, несомненно, модифицируется. В своем жизненном мире, руководствуясь собственными потребностями, человек обоюдно взаимодействует с ним. Именно в собственном жизненном пространстве происходит столкновение личностного и социального, формирующего социальные связи и отношения. Действуя осознанно и целеполагательно, носитель жизненного мира изменяет физическую и духовную социальную реальность.

Противоречивые современные глобализационные процессы оказывают мощное влияние на личностный жизненный мир человека, утверждая его как многосторонний и эклектичный. В этот мир врываются новаторские модели поведения, действий, свободные принципы, образы мыслей и ценностей. Наряду с трансформацией внутри социума в него привносятся социальные институты и инструменты других обществ. Тем самым мировоззренческие и ценностные установки, проникая из одного общества в другое, приобретают универсальный характер. Не секрет, что в жизненном мире современного казахстанца присутствуют элементы жизненного мира русского, европейца, американца и других народов, тем более что, находясь в центре евразийского пространства, население Республики Казахстан поддается успешному влиянию и воздействию множества культур, будучи к тому же многонациональным государством. Это отличает историю и культуру Казахстана от других среднеазиатских регионов, которым удается в большей степени сохранить автохтонность. Тем не менее глобали-

зационные тенденции затрагивают все государства, общества, народы и этносы, стирая грани между ними, способствуя интенсификации социальных контактов.

Под воздействием научных цифровых коммуникационных технологий социальные контакты тотально увеличены и расширены, но вместе с тем обезличены. В результате, с одной стороны, жизненный мир современного человека в условиях глобализации открыт для чужеродного влияния, а с другой — закрыт и неопределен для понимания результата подобного заимствования.

Методы исследования

Для проведения данного исследования были использованы методы междисциплинарного анализа процессов глобализации, критического анализа социально-философских классических, неклассических и постнеклассических концепций, метод систематизации. Главным методологическим инструментом исследования была использована социальная гетерология, которая исходит из анализа событийности, сингулярности, понимания различия от различия, установки на без-основность как случайность всякого основания.

Результаты и обсуждение

О необходимости и важности глобализационных процессов в человеческой социально-культурной истории высказывались еще ранние мыслители, как западные, так и восточные. Одним из атрибутов горизонтальной глобализации, несомненно, является интеграция людей как социальных субъектов (индивидов, групп, классов) в единую социальную систему. Именно об этом грезил в своих идеальных социальных проектах представитель фальсафы на средневековом мусульманском Востоке. Счастье в объединении, которое необходимо в целях взаимодействия и взаимопомощи людей в государстве. А если следовать мондиализму Данте Алигьери, то такое государство должно быть общемировым, общепланетным, так как человечество обладает единым интеллектуальным потенциалом и разумом. В вертикальном ракурсе процесса глобализации присутствует идея преемственности культурного прогресса, которая эксплицитно представлена в творчестве «первого философа арабов» Аль-Кинди, призывавшего к толерантному, уважительному отношению к любой истине, которая не может быть чужой. По мнению мыслителя, мы становимся великанами тогда, когда стоим на плечах предыдущих знаний и человеческих достижений. В античной философии у Аристотеля и Зенона Элейского развивались идеи истории как поступательной «спирали», у Гегеля и К.Маркса — идеи диалектичности социального развития, у Э.Дюркгейма — идеи системной целостности органистического типа, у К. Поппера — идеи «открытого общества», у Т. де Шардена и В.И. Вернадского — идеи ноосферы.

Современные процессы глобализации представляют собой объективный и закономерный феномен интеграции человечества в единое экономическое, политическое, социальное, научное, культурное, коммуникационное пространство. Прежде всего, это обусловлено надгосударственным, наднациональным характером производства, стесненного узкими рамками отдельных стран и требующего вхождения в мировую экономику. Предпосылками глобализации, безусловно, являются расширяющиеся торговые интересы, развивающиеся рыночные механизмы, неравномерность наличия природных ресурсов, глобальное цифровое киберпространство, развитие и расширение международных связей и отношений, в том числе культурных, необходимость совместного решения глобальных проблем современности и противостояния вызовам современной цивилизации.

В условиях глобализации понятие «современное общество» растянулось до понятия «человечество» как единого социокультурного пространства, в котором это единство не-едино в подвижности своих граней. Как любой многосложный социальный феномен, глобализация имеет разнообразный спектр рассмотрения и понимания. Является сложным и многомерным комплексным процессом, требующим своего системного философского осмысления.

Если применить холистический взгляд и исходить из сущностно-человеческого понимания, то интеграционные процессы элиминируют любые социальные противоречия, так как «по своей онтологической сущности Человек един» как родовое существо, наделенное духовной сущностью» [5; 67]. Поэтому в культурном пространстве глобализирующегося мира вполне возможен диалог и полифонирование. Как замечал М.М. Бахтин, в процессе диалога «культуры не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [6; 353–354], устанавливая паритет. Противоречия, конфронтация начинаются на уровне цивилизации: «если для культур различие, самобытность, уникальность есть основание для взаимоотношения и единения, то

для цивилизаций все это — основание для противопоставления и даже вражды» [5; 72]. А кажущиеся компромиссы между цивилизациями не ведут к плодотворному сотрудничеству и взаимообогащению.

Именно об этом писал С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций». Однако следует заметить, что под цивилизацией мыслитель понимает культурную общность людей, которая и становится камнем преткновения в процессе столкновения различных цивилизаций. Мыслитель отмечает, что под воздействием модернизационных процессов происходит глобальная перестройка взаимоотношений между цивилизациями, изменение векторов их взаимоотношений. Происходит поворот от политических маркеров различия между государствами и цивилизациями к культурным. «Народы и страны родственных культур сближаются. Народы и страны различных культур, напротив, отдаляются друг от друга. Союзы и блоки, определившиеся идеологией и отношениями сверхдержав, сменяются союзами, диктуемыми принадлежностью к той или иной культуре и цивилизации. Ускоряются процессы, направленные на приведение политических границ в соответствие с культурными» [7; 27]. Происходят удивительные вещи — прежние, веками сформированные, исторически оформленные идеологические интересы и установки, несущие печать социальных градаций, меняются местами с культурными (цивилизационными) приоритетами. Последние обуславливают межгосударственные противостояния и столкновения.

Хантингтон особенно обращает внимание на такие основные типы современных цивилизаций:

- западную;
- исламскую;
- православную;
- латиноамериканскую;
- африканскую;
- конфуцианскую;
- японскую;
- индуистскую.

По мнению социального мыслителя, подобная конверсия связана с распадом мировой системы социализма, положившей конец главному идеологическому, политическому противостоянию между социализмом и капитализмом. Поэтому главным различием между современными обществами становится культурное (цивилизационное). Подобная тенденция, согласно прогнозам С. Хантингтона, будет набирать обороты и развиваться. Какие формы в дальнейшем будут обретать глобальные конфликты? Если в прошлом мировые конфликты происходили на идеологической (политической) почве, современные конфликты — на культурной. Как утверждает автор «Столкновения цивилизаций», формой всех будущих глобальных конфликтов будет острое противостояние Запада и не-Запада. Это объясняется мыслителем амбивалентной ролью западной (европейской, американской) культуры. С одной стороны, ее культ и процветание во всем мире, а с другой — нарастающие тенденции анти-западного образа жизни и мыслей.

При всей своей полемичности книга С. Хантингтона позволяет осознавать серьезную опасность будущего цивилизационного развития. Если общество в дальнейшем будет следовать в направлении подобного вектора накала межкультурного противостояния, то это, несомненно, гарантирует тревожную нестабильность и неопределенность глобального мироустройства.

О неопределенности и неоднозначности последствий глобализации высказывается З. Бауман. Глобализация, объединяя, разобщает. Параллельно процессам глобализации происходят процессы локализации, сопровождаемые дифференциацией условий жизни для разных индивидуумов. Речь идет о том, что население будет объективно разделено на глобалистов и «локалистов» при ведущей роли первых. Таким образом, локальность станет маркером обездоленности в глобализируемом мире, в котором консерватизм и традиционализм не в почете. Как следствие, нарастает отчужденность между глобализирующей элитой и локализирующимся населением в разноускоренности социальной динамики, в неравномерности свободы передвижения.

Подобные тревожные современные социально-философские интенции возникают неслучайно. С одной стороны, глобализация обнадеживает, претендуя на социальное единение, но это единение контурное, формальное, не учитывающее сингулярных проявлений человеческой сущности. Классический социально-философский дискурс был ориентирован на идею метафизического единства социальной жизни как ее изначального основополагающего принципа, зачастую «сшивая» не там, где

следовало, в соответствии с идеологическими лекалами. Отсюда наличествовала абстрактность социального пространства, в котором нет места живому действию.

Современный социальный мир абсолютно не репрезентируется в пространстве классического когнитивного амплуа. Новейшие цивилизационные процессы нарушили классическую идиллию «глянцевых» социальных воззрений. Мир, в том числе социальный, движется по новым траекториям, в пространстве новых тенденций, новых процессов, новых тем. «Вступление мирового сообщества в новое столетие — это и открытие принципиально новой страницы в его истории. Сегодня уже очевидно, что, в отличие от прежних, эта страница будет посвящена другой, новой теме и написана другим языком. Новая тема — это *завершение внешних процессов глобализации мира, становление его целостности и единства*, когда культурно-цивилизационная интеграция оказывается доминирующей над всеми другими процессами, характеризующими формирование глобального человечества» [1; 19]. Под «другим языком» понимается и подразумевается также глобальное изменение традиционных ценностей и взглядов на мир. Новизна феномена «современная глобализация» в том, что она представляет современный социум как сверх-динамичный, мобильный и акцентирует внимание не на его стабильности и статичности, а, напротив, на его постоянной изменчивости, турбулентности, разнонаправленности. Классическое измерение социального мира через противопоставление, диссонанс культуры и цивилизации сменяется их взаимной связкой в глобализационном горизонте.

Современная социальная философия — постнеклассическая. Она требует новых моделей, методов, парадигм исследования. То, что было предельно понятно традиционным линейно-плоскостным воззрениям, никак неопределимо сегодня, когда мир окончательно заявил о себе как нелинейном и объемном.

Каковы же векторы постнеклассической философии? Определить сложно, но то, что их бесконечно много, не вызывает сомнений. Сложная вариативность социального развития, прежде всего, обусловлена глобализационным характером всех социальных процессов. Каковы главные перспективы социальной философии в современных условиях глобализации?

«Глобализация не только изменила мир, но и то, как мы относимся к миру, к нашему существованию в этом мире и на еще более фундаментальном уровне — к нашему бытию как таковому», — пишет Т.Х. Керимов [8; 288]. Мир стал единым, феноменологически став «нашим», в нем для нас отсутствуют границы своего и чужого. Мир и я — одно целое, а значит, я уже не субъект, репрезентирующий мир. Такое субъективное положение человека к миру присутствовало в классической философии, метафизической по своей сути, и именно это обеспечивало редукционистское возвышение человека над миром как господина.

С глобализацией мир утрачивает свое Сверх-основание, обретая или возвращаясь к аутентичной мирности. Но такая бесосновная мирность, в которой все возможно, неопределенна в своей сути. Формируется двойная связь между объективными интеграционными процессами и миром феноменальным, субъективным, множественным, отражающим эти процессы и создающим экзистенциальное множество индивидуальных миров, голосащих как бы от всех. Глобализация, таким образом, представляется как дурная бесконечность, которая должна быть преодолена в случайном бесосновном актуальном действии. Что выбрать между этими мирами? Можно предположить выбрать третье: логику дополнительности эти двух видов бесосновности. Глобальный мир предполагает феноменальный, и это лишает онтологического статуса обоих миров. Наш феноменальный мир — это *событие, процесс* перехода от глобализации к нам.

Феномен глобализации явно указывает на необходимость деконструировать метафизические принципы и идеалистические принципы классической социальной философии. Назрела необходимость кардинально другой онтологии, лишенной метафизических спекулятивных конструкций. А именно требуется реформатирование устоявшихся онтологических образов социальности и акцентирование исследовательского внимания на событийности, временном характере социальных явлений.

Подобное реформатирование онтологии означает, что проблемы практического плана (социально-политические, этические) требуют философского осмысления на онтологическом уровне. Другими словами, необходимо закавычить их метафизическое осмысление и понимание. Социальное и этическое не представляются теперь как приложение к теоретической установке, основе, а рассматриваются как процесс исследования социального действия. Деконструкция онтологической философии есть трансформация политической философии, этики в философию политики и этическому соответственно.

Вообще онтоотеология, занимаясь обращением к Сверх-сущему и создавая в соответствии с этим картины реальности, вместе с тем формирует определенный этос философствования. А суть подобного метафизического этоса — созерцать постоянное, вечное присутствие Бога как порядка. Данная способность теоретизировать и созерцать объявляется наивысшим проявлением человеческой сущности, умением выходить на предельные основания бытия.

Отказ от онтоотеологии, безусловно, трансформирует, онтоотеологический этос, ориентирует его не на абстрактное бытие человека, а на конкретную социальную деятельность. «Эта форма соответствия вводит целую серию понятий, составляющих нетеоретический этос философии. Прежде всего, это такие понятия, как убеждение, надежда, обещание, прощение, свидетельство, клятва, верность, решимость, ответственность, вера и т.д.» [8; 288]. В классическом социально-философском дискурсе таким понятиям значения не придавалось. Они, разумеется, несут не теологический смысл (метафизический), а практический.

Мы, как мыслящие существа, способны отвлечься от событийности окружающего мира. Однако это отвлечение не метафизическое, обращающееся к Сверх-сущему. Оно коррелирует с природой событийности, случайности, неопределенности, бесосновности. Другими словами, все может произойти в будущем развитии, может случиться и не случиться, может случиться то, что, казалось, не может случиться.

Этот онтологический эксперимент со случайностью, отсутствием основания необходим, чтобы выйти в пространство неопределенности, с целью принятия любой возможности развития. Этот эксперимент не утверждает и не отрицает существование. Ход мысли данного эксперимента сдержан: он сдержан к любой мысли-суждению. Это постулат абсолютной случайности и чистой потенциальности.

Но такую деконструкцию следует понимать не как антифундаментализм, а, скорее, как множественность и даже случайность, непредвиденность основания. В этом и сложность понимания мира человеком, чей разум ищет опоры, стержня, «колышка» для ориентации. Отсюда опасность потеряться не только человеку, но и самому миру в безграничности и «дурной бесконечности». В социальном плане это вызывает напряжение, антагонизм, амбивалентно конструируя новый опыт человеческого бытия — опыт бесосновности, открытости, в котором не работает классическая диалектика отрицания отрицания, а присутствует логика дополнительности и саморазвития.

Современная социальная философия вынуждена отказаться от предыдущих, не отвечающих цивилизационным вызовам XXI века, социальных парадигм — классической и неклассической. Глобализационные процессы сегодняшнего времени легитимируют основные принципы и философы постнеклассической социальной философии, такие как постфундаментализм, бесосновность, случайность, хаос, гиперхаос, антиэссенциализм, множественность, событийность, сингулярность и др.

Другими словами, всякие метафизические построения диктуют исследовать общество «сверху», беря за основу некое Сверх-сущее, субъективно «назначенное». Исходя из этого, в лучшем случае удастся очертить лишь контуры социальной жизни, нивелируя индивидуального человека, создавая безжизненную, формальную социальную концепцию. Именно этим и занималась классическая философия. Современное общество принципиально другое. Под воздействием цивилизационных свобод оно «распалось» на множество автономных центров, противостоящих традиционным ценностям. Каждый носитель социальности вращается на собственной социальной «орбите» и не берет ответственности ни за себя, ни тем более за общество.

Глобализация утверждает бесконечность социального пространства, и по законам любой бесконечности в ней отсутствует центр, основание. Поэтому в будущем может случиться все возможное и невозможное. Как замечает Т.Х. Керимов, «этот онтологический эксперимент с бесосновностью и случайностью востребован необходимостью выйти за пределы утверждения и отрицания существования с целью раскрытия его чистой возможности — быть другим» [8; 299]. Эта философская интенция постулирует в любом социальном действии абсолютную случайность и чистую потенциальность, так как отсутствует всякое основание для действия, превращая его в самоорганизующийся процесс, обусловленный случайными неопределенными основаниями. Это свидетельствует об открытости социальных процессов, их избыточности и дополнительности.

Речь идет о гетерологической парадигме социального исследования, основанной на процессуальности социальной жизни, в которой легитимируется принцип неопределенности социального развития и познания. И это означает отказ от поиска определяющего, организующего основания социальной жизни и редуцирующего многообразие вариантов общественных процессов. В рамках гете-

рологической парадигмы социальное действие, процесс представлены как событие, которое разворачивается в логике собственного становления и исключает какое бы то ни было руководство со стороны некоего Сверх-сущего, понимаемого в том числе как незыблемые законы социального развития. В данном случае событие как сущее не обладает заранее установленной сущностью, а разворачивается в многосложной живой процессуальности, в которой атрибутивно присутствует неопределенность. Глобализационные процессы протекают в такой же фрактальной перспективе. Любое социальное событие демонстрирует динамику различия от различия, множественность бытия, в которой в динамичной структуре сложной пролиферации переплетены все задействованные акторы. Социальные процессы поэтому всегда открыты, подвешены, обусловлены многосложной системой взаимодействия с другими элементами.

Применительно к феномену современной глобализации исследователи называют взаимосвязанный клубок следующих проблем:

- риск неэффективного развития стратегически важных отраслей экономики, растущая свобода рыночных отношений, виртуализация финансовых ресурсов;
- формирование нового социального типа человека наряду с обострением социальных проблем, демографических, экологических;
- обострение политических проблем;
- в культуре это проблемы идентичности человека (национальной, религиозной) на фоне стандартизации и массовой культуры;
- проблемы антропологического плана, связанные с духовным миром человека в условиях наступающей глобализации, когда в мощном потоке информации трудно найти ориентиры и не «заблудиться».

Когда социальное действие, акт событийствует через незавершенность, неразрешимость, неопределенность, происходит игра в *ничто*, которое трансформируется в *нечто*. Переход из *ничто* в *нечто* — это процесс, который есть действие, глагол. Событие, таким образом, не предзадано, как утверждали в классической философии. Событие — это случай из многих других. Глобализация — это процесс, сущее, которое разворачивается на наших глазах. Она, разумеется, имеет предпосылки, но она не предзадана, ее логика не predetermined. Как она будет развиваться дальше, формируя собственную сущность? Вопрос открытый.

Как мы помним, в метафизическом научном и философском дискурсе, избегающем идеи хаотического развития, субстанция и сущность объявлялись ключевыми элементами развития. Гетерологическая парадигма диссонирует с подобным пониманием социального действия. Бытие не определяется сущностью и субстанцией, а, напротив, устанавливает сущность из хаоса событийности.

Поэтому на сегодняшний день существуют две когнитивные модели: онтологическая и гетерологическая. Онтологическая модель характерна для классического, метафизического типа философствования, когда сущее (социальное действие) определяется предзаданной Сверх-сущностью, во главу угла ставится «различие от тождества», от единого основания. Гетерологическая модель апеллирует к понятию «различия от различия», элиминируя единое основание для действия, бытия, предданную сущность, манифестируя процессуальность сущности в потоке множественного основания.

На наш взгляд, именно гетерологическая модель способна репрезентировать современную социальную реальность, в том числе протекающие глобализационные процессы, по причине гетерогенного характера современного социума. Гетерогенность современного общества представлена следующими факторами:

- различием от различия;
- неравносностью, сложной пролиферацией, а-линейностью;
- постфундаментализмом как признанием множественности оснований.

Однако гетерологическая парадигма не исключает онтологию, которая остается справедливой и действенной в отношении познания замкнутых систем, а также для социального познания в больших исторических масштабах. Эвристический интерес социальной гетерологии распространяется на сингулярного человека как неравновесной социальной системы, носителя аутентичного жизненного мира, конкретной социальной личности, положение которого в современном обществе обострилось в условиях цивилизационных вызовов, как-то процессов глобализации в свете индивидуализации, автономизации, либерализации человека, когда он оказался вне системы традиционных ценностей, традиционных социальных действий, возможностей и представлен сам себе на фоне колоссального рас-

ширения глобализированного социального пространства. Что делать с этой свободой? Освобождает ли такая свобода?

Гетерология способна ставить такие вопросы без намеков на какие-либо первоначальные принципы — основания. Социальное бытие бытийствует. Бытие не имеет основания, она есть свободная структура : «...она одновременно поверхностна и не имеет дна, она всегда все еще слишком мелка. Свойство поглощается в ней дном, тонет в водах своего собственного желания, никогда не встречаясь (с собой), восхищается и отрывается — от самого себя. Переходит в иное» [9; 118]. Каким будет иное в процессах глобализации?

Как нам известно, возрождение онтологии как учения о бытии как действия, со-бытия связано с М. Хайдеггером, который назвал классическую философию «вечерним временем», предавшим забвению понятие «бытие» [10; 211], извратив его, лишив творческого смысла, превратив в пустое понятие, в слепое подчинение заранее установленному метафизическому плану. Но если М. Хайдеггер делал акцент исключительно на бытии человека, то социальная гетерология преодолевает метафизические интенции применительно к любому социальному феномену, в котором присутствует сложный субъективный мир человека во взаимодействии со множеством объективированных социальных элементов. Основной постулат гетерологического измерения социума — признание неустойчивости, нестабильности, незаконченности социального бытия.

В связи с этим важным атрибутом гетерологического измерения социума является междисциплинарный исследовательский подход, который неизбежен применительно к глобализации, связавшей воедино множество граней современной социальной деятельности. Среди них выделяют:

- растущую динамику межгосударственных связей и отношений (экономических, политических, культурных);
- этап в развитии человеческого общества, пришедший на смену периоду холодной войны;
- культ западных ценностей;
- технологический прогресс, влияющий на социальную жизнь;
- необходимость интеграции в противостоянии глобальным проблемам современности и др.

Междисциплинарный, плюральный подход к изучению современных процессов глобализации привел к появлению *глобалистики* как науки. Многогранность и многоуровневость феномена современной глобализации вызывает множество научных споров и дискуссий, делая невозможным его единое понимание. Поэтому в границах этого понимания выделяют некоторые направления, характерные черты современных глобализационных процессов.

Среди них:

- информационно-технологический прогресс;
- промышленная революция;
- рост национализма в связи с проникновением зарубежных технологий в отдельные страны и культуры;
- мультикультуризм;
- обострение поляризации между более и менее передовыми странами.

Все эти направления эксплицитно характеризуют протекающие процессы современной глобализации, но какое из них доминирует в потоке социальных действий выявить однозначно невозможно. Отношения между этими глобализационными маркерами обоюдно зависимы при отсутствии определенной системы отсчета. Логика со-бытийности здесь очевидна. Она утверждает множественность основания как бесосновность.

Социальная гетерология утверждает бесосновность сущего, его процессуальный характер и бесконечную картину различия, констатируя бытие, культивируя его разнообразные формы, создавая новые творческие социальные перспективы, спектр которых в условиях глобализации огромен.

Заключение

Социально-философский дискурс всегда был призван реагировать на любые социальные изменения, с тем, чтобы интерпретировать и, в конечном счете, понимать социальную жизнь и даже изменить к лучшему. Подобные первоначально заданные установки зачастую были нарушены скрытыми интересами — мифологическими, религиозными, идеологическими и становились опасными.

Эта опасность стала очевидна сравнительно недавно, когда социальная философия продемонстрировала свою оторванность от реальной жизни, живого человека, втиснув его в иллюзорный мир придуманных и надуманных социальных реалий, не коррелирующих с действительностью и нивели-

рующих внутренний мир индивида, создавших лживые идеологические системы. Именно этому невольно способствовала классическая философия, утверждая метафизическую архитектонику социума.

Постнеклассический социально-философский дискурс отмечает когнитивную неспособность классического дискурса быть релевантным по отношению к современному обществу. Это совсем другая социальность, в пространстве которой пребывает новый тип социального человека.

Современной социальности присущ высокий уровень гетерогенности, обусловленный расширением сектора различия между элементами структуры, автономными в своей самостоятельности в условиях демократизации и либерализации. Поэтому разнообразие, различие, децентрация, полицентризм, размножающиеся сингулярности, неопределенности увеличиваются и укрепляются. Все это обостряет проблему поиска новейшей, отвечающей вызовам современности когнитивной парадигмы, релевантной для понимания другой социальности, в которой принцип неопределенности станет не случайным или чужеродным элементом. Необходим эвристичный постнеклассический социально-философский дискурс, каким нам представляется социальная гетерология.

Постнеклассическая современность зашла в полосу турбулентности и событийности. Поэтому классическая социально-философская (она же научная) парадигма, редуцируя мир, способна лишь контурно отразить социальную реальность, не замечая случайностей в общественном развитии. «Из этого следует тот вывод, что социальное проектирование с заранее заданными свойствами теперь должно стать достоянием истории», — пишет Чумаков. Невозможно, опираясь на некую первоначальную предзаданность, точно определить будущее общественного устройства. Подобный когнитивный оптимизм не только не оправдан, но и чреват трагическими социальными последствиями. С жизнью человека недопустимы глобальные социальные эксперименты. Возможен вероятностный характер будущих сценариев развития, чреватый непредсказуемыми случайностями. Поэтому подобные футурологические выкладки должны иметь место только с применением принципов дополненности и плюральности в отношении современного социального.

В условиях современной глобализации, когда социальное пространство колоссально расширено во множестве аспектов, взаимовлияющих и взаимоопределяющих друг друга в планетарном масштабе, в континуальном режиме, последствия этого невозможно определенно просчитать. Как утверждают антиглобалисты, другой мир возможен. Мир возможен в разнообразной множественной вариативности, контингентности. И это зависит не только от непредвиденных социальных фактов, но и от культурных особенностей народов, объединяющихся в глобальный мир. Наряду с интеграционными процессами, аккультурацией, ассимиляцией культур возникают новые процессы взаимоотношения культур (арбитража, конвергенции, геттоизации, колонизации, компромисса и др.), которые необходимо иметь в виду.

В когнитивном ракурсе глобализационных процессов необходимо осознать, что поиски моделей интеграции, сопряженные со множеством неопределенностей, должны исключать любые попытки метафизического определения их единых оснований, которых нет. А есть сложная пролиферация актов, акторов, центров, сингулярных носителей социальности. Современный социальный мир «являет собою не только «лоскутное одеяло», «сшитое» из почти двухсот фрагментов в виде национальных государств, но и нечто подобное акционерному обществу, где у каждой культурно-цивилизационной системы есть свое место, независимо от того, насколько оно выгодно или, наоборот, невыгодно отличается от других, или насколько оно весомо, значимо», — отмечает Чумаков [1; 456]. Уже вполне очевидно и важно кардинально менять привычные представления о мире, с тем, чтобы конструктивно решать глобальные проблемы современности. Наступило время глобалистики, требующее соответствия современному миру.

Новейшие социальные процессы диктуют радикальную трансформацию традиционной когнитивной социальной методологии и философского дискурса. Настало время переориентации социальной философии с классической и неклассической модели на постнеклассическую (гетерологическую), пересмотра эпистемологических принципов с целью релевантности социально-философских знаний.

Социальная гетерология характеризуется следующими чертами:

- понимает социальность как лишенную всяческих оснований, понимаемых как субстанция или определяющих сущность;
- преодолевает онтологический фундаментализм, выводя новые ориентиры различия;
- обеспечивает новый подход к социальности.

Пространство современной социальной философии и социально-философского дискурса объемно, многомерно, что, по нашему мнению, позволит обеспечить исследовательский процесс как концептуально, так и методологически.

Статья подготовлена в рамках научного проекта по гранту AP13268777 «Гетерологическая парадигма социального исследования в условиях неопределенностей в развитии современного казахстанского общества» (2022–2024 гг.) (Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

Список литературы

- 1 Чумаков А.Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст / А.Н. Чумаков. — М.: Канон +, 2006. — 516 с.
- 2 Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 400 с.
- 3 Платонова С.И. Неклассическая парадигма социального исследования в эпистемологическом контексте XX века / С.И. Платонова // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2011. — № 127. — С. 114–120.
- 4 Бергер Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Л. Бергер, П. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
- 5 Хамидов А.А. Восток есть Восток, а Запад есть Запад? (К обсуждению проблемы синтеза Востока и Запада) / А.А. Хамидов // Известия. — 2001. — № 6. — С. 66–75.
- 6 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
- 7 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: Neoclassic, 2016. — 640 с.
- 8 Керимов Т.Х. Социальная философия / Т.Х. Керимов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 304 с.
- 9 Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше / Ж. Деррида // Философские науки. — 1991. — № 3. — С. 114–128.
- 10 Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М.: Акад. проект, 2011. — 460 с.

Б.Ж. Жусупова

Қазіргі жаһандану жағдайындағы әлеуметтік философияның болашағы

Жаһандану үдерістері адамзат тарихында бірнеше рет болған. Ғалымдар адамзат қызметінің әртүрлі салаларында орын алған ірі интеграциялық үдерістердің бірнеше толқындарын бөліп көрсетеді. Алайда, қазіргі жаһандану үдерістері, көбінесе цифрлық технологиялардың дамуына байланысты, ауқымы мен маңыздылығы бойынша бұрын болып жатқан барлық үдерістерден асып түседі. Қазіргі жаһанданудың даму векторлары және оның бүкіл адамзат үшін салдары қандай болмақ? Мәселе ғалымдар мен философтарды ойландыратын маңызды мәнге ие. Осыған байланысты «жаһандану» құбылысының мәнін және оның перспективаларын түсіндіретін көптеген әртүрлі тұжырымдамалар бар. Алайда, адамзат әлемі тура және бағыты бір болудан қалып бара жатқаны, ал қоғам адамзатқа, ал адамзат планетарлық масштабтағы әлемге айналып бара жатқандығы туралы деректер орын алуда. Әлеуметтік әлем өркениеттік жетістіктерге негізделген ауқымды шектен тыс динамикалық байланыстар мен қатынастардың алуан түрлілігімен күрделі пролиферацияға айналды. Жаһандану үдерістерімен адамзат тарихында ғана емес, сонымен қатар қоғамды бұрынғы дәстүрлі тәсілдермен өлшей алмайтын әлеуметтік философия тарихында да жаңа парақша ашыла бастады. Әлеуметтік-философиялық дискурс жаһанданған әлемнің бейнесін және ондағы сингулярлы адамның орнын дәлірек көрсету үшін зерттеудің жаңа когнитивті парадигмаларын қажет етеді. Мақала осындай парадигмалардың бірін негіздеуге арналған.

Кілт сөздер: жаһандану, оқшаулау, интеграция, мәдениет, қоғам, парадигма, әлеуметтік философия, гетерология, перспективалар, заманауилық.

B.Zh. Zhussupova

Prospects for social philosophy in modern conditions of globalization

Globalization processes have occurred more than once in human history. Scientists have identified several waves of major integration processes that took place in various areas of human activity. However, modern globalization processes, largely due to the development of digital technologies, surpass in scale and significance all those occurring previously. What are the vectors of development of modern globalization and its consequences for all humanity? This is not an idle question concerning scientists and philosophers. In this regard, there are many different concepts that interpret the essence of the phenomenon of “globalization” and its prospects. However, there is no doubt that the human world has ceased to be flat and linear, society has transformed into humanity, and humanity has transformed into a world on a planetary scale. The social world is presented in a complex proliferation with a huge variety of super dynamic connections and relationships determined by civilizational achievements. With the processes of globalization, a new page begins in the history not only of humanity, but also in the history of social philosophy, which cannot measure society in the same traditional ways. Socio-philosophical discourse requires new cognitive research paradigms in order to more accurately represent the picture of the globalizing world and the place of the singular person in it. The article attempts to substantiate one of these paradigms.

Keywords: globalization, localization, integration, society, culture, paradigm, social philosophy, heterology, prospects, modernity.

References

- 1 Chumakov, A.N. (2006). *Metafizika globalizatsii: kulturno-tsilivizatsionnyi kontekst* [Metaphysics of globalization: cultural and civilizational context]. Moscow: Kanon [in Russian].
- 2 Husserl, E. (2004). *Krizis evropeiskikh nauk i transsentalnaia fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: an introduction to phenomenological philosophy]. Saint Petersburg: Vladimir Dal [in Russian].
- 3 Platonova, S.I. (2011). *Neklassicheskaia paradigma sotsialnogo issledovaniia v epistemologicheskom kontekste XX veka* [Non-classical paradigm of social research in the epistemological context of the twentieth century]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena — News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 127, 114–120 [in Russian].
- 4 Berger, L., & Lukman, P. (1995). *Sotsialnoe konstruirovaniie realnosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium [in Russian].
- 5 Hamidov, A.A. (2011). *Vostok est Vostok, a Zapad est Zapad? (K obsuzhdeniiu problemy sinteza Vostoka i Zapada)* [East is East and West is West? (To discuss the problem of synthesis of East and West)]. *Izvestiia — News*, 6, 66–75 [in Russian].
- 6 Bahtin, M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo [in Russian].
- 7 Huntington, S. (2016). *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: Neoklassik [in Russian].
- 8 Kerimov, T.H. (2018). *Sotsialnaia filosofiia* [Social philosophy]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta [in Russian].
- 9 Derrida, J. (1991) *Shpory: stili Nitshe* [Spurs: Nietzsche's Styles]. *Filosofskie nauki — Philosophical Sciences*, 3, 114–128 [in Russian].
- 10 Heidegger, M. (2011). *Bytie i vremia* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].

Сведения об авторе

Жусупова Бахыт — PhD, ассистент профессор кафедры философии и теории культуры Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0002-4442-3924>

Information about the author

Zhussupova Bakhyt — PhD, Assistant Professor, Department of Philosophy and Theory of Culture, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0002-4442-3924>